

ПСИХОАНАЛИЗ И КУЛЬТУРА

Сильные женщины и исключение мужского в посттравматических обществах

Д. А. Стец

Стец Диана Александровна – психоаналитически ориентированный психолог-консультант.

Статья посвящена психоаналитическому исследованию феномена сильных женщин в посттравматических обществах на примере СССР, Испании, Италии, Германии и стран Ближнего Востока. Автор анализирует, как после военных конфликтов, крушения тоталитарных режимов и социальных потрясений происходит трансформация женской субъектности, когда женщины вынужденно принимают на себя как материнские, так и отцовские функции. Этот феномен может быть рассмотрен как отражение бессознательного стремления восстановить архаическую целостность доэдипальной диады, исключив потенциально травмирующий мужской элемент из первичных объектных отношений. Однако есть основания полагать, что эта регрессия к доэдипальному состоянию способствует в том числе формированию новых форм субъектности для преодоления коллективной травмы.

Ключевые слова: коллективная травма, трансгенерация, женская субъектность, диада, материнские функции, посттравматические общества.

В психоаналитической традиции травма рассматривается как разрыв в психической ткани, требующий особых адаптационных механизмов. Этот разрыв создает внутренний конфликт, приводящий к формированию защитных структур, направленных на сохранение психической целостности. Когда же травма становится коллективной, когда целые общественные группы переживают катастрофические социальные потрясения, адаптационные механизмы выходят за рамки индивидуальной психики и приобретают культурный характер, проникая в самые основы общественного

устройства. В таком случае травма перестает быть исключительно личным переживанием и становится фактором, определяющим социальные, политические и культурные процессы.

3. Фрейд в книге «Человек Моисей и монотеистическая религия» предлагает концепции коллективной памяти и травмы, утверждая, что травматические события могут передаваться из поколения в поколение (Фрейд, 1992). В «Психологии масс и анализе человеческого Я» он также анализирует, как коллективный опыт влияет на структуру групповой идентичности (Фрейд, 2017). Хотя Фрейд не использовал понятие «коллективной травмы», его идеи о травме, трансгенерационной передаче, защитных механизмах и бессознательном оказались применимы к пониманию коллективных переживаний обществ, столкнувшихся с катастрофами, войнами и другими травматическими событиями массового характера.

В дальнейшем понятие коллективной травмы разрабатывалось в рамках различных психоаналитических и социокультурных исследований. В частности, Александр и Маргарет Митчерлих в работе «Неспособность скорбеть» исследовали, как немецкое общество после Второй мировой войны вытесняло коллективную вину и травму, что приводило к эмоциональной заморозке и неспособности к подлинному осмыслению своего прошлого (*Mitscherlich, 1975*). Подобные процессы наблюдаются и в других обществах, переживших масштабные травматические события, такие как геноцид, диктатуры, колониальные травмы и природные катастрофы. В таких контекстах коллективная травма становится не только наследием прошлого, но и активной частью настоящего, влияя на социальные институты, культуру памяти и даже на межпоколенческие отношения.

В рамках данной статьи хотелось бы уделить особое внимание феномену сильных женщин, имевшему широкое распространение после потрясений XX века на различных территориях: в СССР после Великой отечественной войны, в Испании после гражданской войны и диктатуры Франко, в постфашистских Италии и Германии, а также в постколониальных арабских странах. Образ сильной женщины в этих культурах возник не просто как социальный феномен, но как глубинная психическая структура. В этих обществах, где войны, репрессии и экономические катастрофы приводили к массовым потерям мужского населения или к его символическому обесцениванию, женская фигура приобретала доминирующую роль в семье и социуме.

Этот феномен можно рассматривать в рамках психоаналитических категорий. По Винникотту, мать в первые месяцы жизни ребенка выполняет функцию достаточно хорошей матери, создавая переходное пространство, необходимое для формирования здоровой идентичности (Винникотт, 2017). В травмированных обществах, как можно предположить, женщина берет на себя эту функцию не только для своих детей, но и для всей социальной группы, становясь символическим контейнером для коллективного страдания. Таким образом, она не просто восполняет отсутствие отцовского начала, но и формирует новый тип коллективной идентичности,

в котором мужское воспринимается как угрожающее, а женское – как спасительное. И тогда это также может являть собой бессознательное стремление к восстановлению архаической диады мать – дитя, к возвращению в состояние доэдипального симбиоза, где исключено мужское.

СССР и Россия

В российском культурном пространстве образ сильной женщины занимает особое место, укоренившееся как в историческом опыте, так и в глубинных психических структурах. Вторая мировая война, унесшая жизни миллионов мужчин, создала объективные условия для формирования особого типа женской субъектности. Демографическая катастрофа радикально изменила гендерный баланс, когда женщины составляли значительное большинство населения во многих регионах страны. В этих условиях традиционное разделение социальных ролей стало невозможным, что потребовало от женщин психологической и социальной адаптации к новым реалиям. Таким образом, появилась субъектность женщины, вынужденной принять на себя всю полноту как материнских, так и отцовских функций. Это привело к установлению образа матери как всемогущего объекта, способного одновременно защитить и наказать, накормить и установить закон. Такое совмещение функций создавало особый тип психической организации как у самих женщин, так и у детей, вырастающих в этих условиях.

Образ «матери-героини», прославляемый советской идеологией, функционировал как своеобразный тотем – символ всемогущей, одновременно жизнедающей и кастрирующей силы. Идеологическое возвеличивание материнства не просто отражало демографическую политику государства, но и, вероятно, создавало культурный миф, отвечающий глубинным психическим потребностям травмированного общества. В этом мифе женщина-мать становилась центральной фигурой социального устройства, своеобразным якорем стабильности в мире, пережившем катастрофические потрясения. Материнская фигура расширялась до масштабов национального символа, включая в себя не только заботу о конкретных детях, но и о социальной ткани в целом.

Интересно, что Винникотт, описывая достаточно хорошую мать, подчеркивал необходимость постепенного разрушения иллюзии всемогущества матери для здорового развития ребенка (Винникотт, 2017). В контексте послевоенного СССР эта иллюзия была искусственно продлена, создав специфический паттерн отношений, где мужское начало становилось психологически избыточным, вторичным по отношению к всеобъемлющему материнскому присутствию. Физическое или эмоциональное отсутствие отцов во многих семьях в сочетании с культурным возвеличиванием материнства привело к формированию особой семейной динамики, где мать часто занимала гиперкомпенсаторную позицию, стремясь заполнить все психологическое пространство семьи. Это создавало условия для формирования специфических отношений привязанности, часто характеризующихся затрудненной сепарацией и амбивалентностью.

Как писал Фрейд в «Тотеме и табу», после символического убийства отца сыновья испытывали амбивалентную смесь облегчения и вины (Фрейд, 2005). В российском посттравматическом пространстве мы наблюдаем своеобразную инверсию этого мифа: физическое отсутствие мужчин создало психическое пространство, в котором материнский образ расширился до тотемических пропорций, вытесняя и поглощая традиционно отцовские функции.

Данный феномен оказывает влияние и на современное российское общество, где ожидания от женщины включают не только традиционные роли матери и хранительницы очага, но и функции лидера и кормильца. Эта многослойность женской идентичности формирует устойчивые психологические сценарии, передающиеся из поколения в поколение, создавая как возможности для эмансипации, так и новые формы внутреннего конфликта.

Арабские страны

В арабском мире парадоксальным образом сосуществуют публичный патриархат и скрытый домашний матриархат. За фасадом патриархальных структур часто скрывается иная реальность: сильные женщины, которые управляют домашним пространством, воспитанием детей и семейными решениями. Несмотря на внешнее доминирование мужчин в социальной и политической сферах, скрытый матриархат глубоко вплетен в ткань арабского общества, передаваясь через поколения и сохраняя свою устойчивость даже при изменениях политических режимов и социальных норм.

Колониальные травмы, длительные военные конфликты, экономическая нестабильность – все это создало на Ближнем Востоке условия для формирования особого психического ландшафта, где мужской элемент воспринимается как потенциально неустойчивый, ненадежный, подверженный внешним угрозам. В такой ситуации психически более «безопасным» становятся укрепление первичной диады мать – дитя и исключение из нее травмирующего мужского элемента.

Как отмечал Блон, способность контейнировать тревогу является фундаментальной функцией матери (Блон, 2008). В условиях хронической социальной нестабильности арабского региона именно материнская фигура становится основным контейнером, способным удерживать и трансформировать невыносимую тревогу, порождаемую социальными потрясениями. Женщина в этом контексте выступает не только как мать в биологическом смысле, но и как символическая мать целого сообщества, берущая на себя функцию эмоционального и психологического стабилизатора.

Испания

Франкистская Испания представляет особый случай, когда официальная идеология подчеркивала традиционные католические семейные ценности, но реальность гражданской войны и последующих репрессий

создала условия для формирования сильной женщины, вынужденной быть и защитницей семьи, и ее экономической опорой. Женщина в этом обществе существовала в двойном измерении: с одной стороны, как носительница идеологического образа кроткой и покорной хранительницы очага, а с другой – как фигура, способная взять на себя ответственность за выживание семьи в условиях хаоса.

Интерпретируя этот феномен через призму психоанализа, мы можем обратиться к концепции Фрейда о «возвращении вытесненного» (Фрейд, 2006). Чем сильнее официальная идеология пыталась закрепить патриархальное распределение гендерных ролей, тем мощнее становилось бессознательное стремление к материнскому всемогуществу, к возвращению в психическое пространство, где мужской элемент является потенциально опасным вторжением в гармоничную диаду мать – дитя.

Испанские женщины этого периода оказались в пространстве между патриархальной идеологией франкизма и необходимостью выживания и защиты семьи. Эта пограничная позиция породила субъектность сильной женщины, которая формально признает патриархальный порядок, но в реальности создает альтернативную структуру власти, центрированную вокруг материнской функции. Это противоречие между публичной декларацией подчинения и приватной практикой власти создавало особую психическую конфигурацию, характеризующуюся внутренним расколом и постоянным напряжением между различными аспектами идентичности. В психоаналитических терминах такое состояние можно описать как особую форму «расщепления», когда внешнее конформистское «я» сосуществует с внутренним автономным «я», создавая сложную диалектику подчинения и сопротивления, которая становится характерной чертой женской субъектности в посттравматическом обществе франкистской Испании.

Италия и Германия

В постфашистских Италии и Германии, после краха гипертрофированного патриархата, доведшего до абсурда культ мужской силы и агрессии, произошло бессознательное обращение к образу женщины, в особенности матери, как символу исцеления и восстановления. Этот глубинный психосоциальный процесс представлял собой своеобразную компенсаторную реакцию на травматический опыт тоталитаризма, когда гипермаскулинность официальной идеологии, с ее культом насилия, силы и подчинения, обернулась национальной катастрофой и глубоким моральным кризисом. В послевоенном общественном сознании Италии и Германии возникла потребность в альтернативном символическом порядке, основанном не на деструктивной агрессии, а на созидательной защите и заботе, традиционно ассоциирующихся с женским началом.

Этот поворот к материнскому образу не был результатом осознанной культурной политики, скорее он развивался как бессознательный ответ общества на пережитую травму. Женский образ, особенно образ матери, стал функционировать как своеобразный психический якорь,

обеспечивающий связь с докатастрофическим прошлым и возможность построения нетравматичного будущего. В культурном пространстве обеих стран можно наблюдать смещение акцентов с публичной сферы и героического нарратива в область приватного пространства и повседневных практик заботы.

Психоаналитически этот процесс можно интерпретировать через концепцию Винникотта о холдинге – способности матери создавать безопасное пространство, в котором возможно восстановление поврежденной самости (Винникотт, 2017). Именно такое восстановление было необходимо коллективной психике после травматического опыта фашизма. В обеих странах возник особый культ домашнего пространства, центрированного вокруг женской фигуры. Эта тенденция отражала коллективное бессознательное стремление исключить травмирующий мужской элемент из первичных объектных отношений, вернуться к архаической диаде мать – дитя как к пространству безопасности и целостности. И, конечно, как и в России, Испании и арабских странах, женщины в Италии и Германии были также вынуждены интегрировать и отцовские функции, быть не только контейнирующими матерями, но и защищающими и наказывающими отцами.

Однако, как отмечал Фрейд, полное удовлетворение инфантильных желаний невозможно и даже опасно (Фрейд, 2006). Попытка исключить отцовскую функцию из психической структуры общества порождает свои патологии. В постфашистской Германии и Италии мы наблюдаем феномен, который Александр Митчерлих описал как «общество без отцов» – особую конфигурацию коллективной психики, в которой отсутствует здоровая интернализация отцовской функции (*Mitscherlich, 1975*). Физическое отсутствие отцов (погибших на войне или скомпрометированных участием в фашистских режимах) наложилось на символическое отвержение отцовской функции, воспринимаемой как потенциально опасная и деструктивная. Это двойное отсутствие – и физическое, и символическое – создало условия для специфических форм социальной патологии, характеризующихся проблемами в области индивидуации, формирования идентичности и отношения к социальным нормам и авторитетам.

Таким образом, возникновение образа сильной женщины в послевоенных обществах во всех вышеперечисленных регионах представляет собой сложное психосоциальное явление, отражающее как компенсаторные механизмы преодоления травмы, так и регрессивные тенденции ухода от сложности взрослой жизни. Эта амбивалентность создает особую динамику в отношениях между полами, в семейной структуре и в более широком социальном контексте, определяя многие аспекты культурной и политической жизни этих обществ на протяжении нескольких послевоенных десятилетий.

В России это выражается в устойчивом образе «женщины, которая коня на скаку остановит», сочетающем в себе как традиционно женские, так и традиционно мужские качества. Все эти культурные симптомы указывают на одно и то же бессознательное стремление: восстановить архаическую целостность доэдипальной диады, исключить потенциально

травмирующий мужской элемент из первичных объектных отношений. Однако парадокс феномена сильных женщин в посттравматических обществах заключается в том, что, стремясь исключить мужской элемент из диады с матерью, эти женщины фактически интегрируют его в свою психическую структуру, становясь одновременно и матерью, и отцом для своих детей и сообществ. В этом смысле феномен сильных женщин можно рассматривать не только как симптом травмы, но и как попытку ее преодоления, как стремление к созданию новой целостности в условиях разрушенного социального порядка. Подобно тому как Винникотт описывал переходное пространство между внутренним миром ребенка и внешней реальностью (Винникотт, 2017), сильные женщины в посттравматических обществах создают особое переходное пространство между травматическим прошлым и возможным будущим, между разрушенным старым порядком и еще не возникшим новым. Таким образом, стремление исключить мужской элемент из диады с матерью можно рассматривать не только как регрессию к доэдипальному состоянию, но и создание нового психического пространства, в котором возможно преодоление травмы и формирование новых, более сложных и интегрированных форм субъектности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бион У. Научение через опыт переживания. М.: Когито-Центр, 2008.
2. Винникотт Д. Игра и реальность. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017.
3. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я / Пер. с нем. А. Н. Анваер. М.: АСТ, 2017.
4. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // З. Фрейд. Психология бессознательного. М.: ООО «Фирма СТД», 2006. (Учебное издание. Т. 3).
5. Фрейд З. Тотем и табу / Пер. с нем. М. В. Вульфа. СПб.: Азбука-классика, 2005.
6. Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия // З. Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. (Серия «Страницы мировой философии»).
7. Mitscherlich A. (1975) *The Inability to Mourn. Principles of Collective Behavior*. Translated by Beverly Placzek. New York: Grove Press.

Strong Women and the Exclusion of the Masculine in Post-Traumatic Societies

D. A. Stets

Stets Diana A., psychoanalytically-oriented counseling psychologist.

This article presents a psychoanalytic study of the phenomenon of strong women in the post-traumatic societies of Russia, Spain, Italy, Germany, and Middle Eastern countries. The author analyzes how, as a result of military conflicts, totalitarian regimes, and social upheavals, a transformation of female subjectivity occurs, when women are forced to take on both maternal and paternal functions. This phenomenon can be viewed as reflecting of society's unconscious desire to restore the archaic integrity of the pre-Oedipal dyad by excluding the potentially traumatizing masculine element from primary object relations. However, there is also reason to believe that this regression to a pre-Oedipal state contributes, among other things, to the formation of new forms of subjectivity to overcome collective trauma.

Keywords: collective trauma, transgenerational transmission, female subjectivity, dyad, maternal functions, post-traumatic societies.